

3. Основные регистры книжного языка и процессы их формирования

В письменном языке средневековой Руси в качестве основного членения выделяются книжные и некнижные тексты. Книжные тексты характеризуются прежде всего логически упорядоченным и риторически организованным синтаксисом и употреблением признаков книжности (таких, например, как формы имперфекта или согласованные причастия в деепричастной функции); синтаксис некнижных текстов ориентирован на коммуникативную ситуацию (на то, что известно или не известно адресату), так что актуальное членение играет в нем существенно большую роль, чем логическое развертывание, а признаки книжности не употребляются (за исключением, видимо, отдельных употреблений в клишированных формулах). Однако одно лишь членение на книжный и некнижный языки для описания языковой ситуации средневековой Руси недостаточно, поскольку и книжные, и некнижные тексты оказываются слишком разнородны по своим лингвистическим характеристикам, чтобы их можно было трактовать как противопоставленные друг другу единства. Это одно из обстоятельств, которое не позволяет описывать языковую ситуацию у восточных славян по модели диглоссии, как она вырисовывается, например, из сосуществования классического арабского и живых арабских языков⁵.

В рамках книжного языка выделяется по крайней мере два регистра, один из которых может быть назван стандартным, а другой гибридным. Стандартный регистр реализуется в первую очередь в текстах основного корпуса, т.е. Св. Писания и богослужения; наибольшее значение среди текстов основного корпуса имели те, которые выучивались наизусть. Существенная часть стандартных книжных текстов была по происхождению инославянской, в частности и тексты основного корпуса, на который непосредственно ориентировалась вся данная письменная традиция. Тексты инославянского происхождения адаптировались на восточнославянской почве на орфографическом и морфологическом уровнях, но в своем синтаксическом построении

⁵ Кажется, впрочем, что и в арабской языковой ситуации членение на «высокий» и «низкий» язык не проводится столь однозначно, как можно заключить из классических описаний арабской диглоссии (см.: Фергусон 1959). И здесь имеются тексты, существенно отклоняющиеся от книжного языкового стандарта (Талмоуди 1984); остается, однако, неясным, образуют ли они особую традицию.

и грамматической структуре сколько-нибудь сильного влияния не книжного языка восточных славян не испытывали. Те оригинальные восточнославянские произведения, которые создавались преимущественно с помощью механизма ориентации на тексты, также относились к этому регистру. Наиболее наглядной иллюстрацией могут служить здесь уже упоминавшиеся восточнославянские дополнения к служебным минеям, не отличающиеся по своим языковым характеристикам от основной части, перешедшей от южных славян.

Гибридный регистр реализуется в оригинальных восточнославянских текстах (т.е. текстах, созданных восточнославянскими книжниками; они могут представлять собой, естественно, перевод с греческого, латыни или какого-либо иного языка). Если создание текстов стандартного регистра обеспечивалось преимущественно механизмом ориентации на тексты, то в порождении текстов гибридного регистра главную роль играл механизм пересчета. Механизм пересчета создает возможность для особой языковой установки пишущих, когда их целью оказывается не максимальное сближение языка новых сочинений с языком корпуса основных текстов, а условное тождество этих языков по ряду формальных показателей. Понятно, что при подобной установке самый набор релевантных формальных признаков имеет лишь относительную значимость и может быть сведен к минимуму: в него входят прежде всего те характеристики, которые с наибольшей наглядностью отличают книжный язык от не книжного. В силу этого набор признаков, по которым ведется пересчет, оказывается ограниченным и избирательным. Вместе с тем избирательным оказывается и употребление тех формальных признаков, которые входят в данный набор: поскольку эти признаки выступают прежде всего как индикаторы книжного характера текста, они могут употребляться непоследовательно и даже окказионально — индикатором служит само их наличие, а интенсивность употребления зависит от разнообразных частных факторов.

Поскольку употребление признаков книжности приобретает в подобной разновидности сигнальный характер, открывается широкая возможность влияния не книжного языка на книжный. Выделение специально книжных элементов в языковом сознании носит целиком функциональный характер, процесс функционального переосмысления генетической разнородности доведен здесь до своего логического предела. При отсутствии непосредственной ориентации на тексты основного корпуса и грамматической кодификации широко развивается вариативность и в создаваемые тексты свободно проникают не книжные по происхождению элементы. Таким образом, в данном регистре книжного языка книжные и не книжные элементы синтези-

рованы в единой системе, так что самый вопрос (обсуждавшийся многократно и без сколько-нибудь заметного успеха — ср.: Виноградов 1958; Виноградов 1978, 65—151) о языковой основе соответствующих текстов — традиционно книжной или народно-разговорной — оказывается лишен всякого содержания. И та, и другая основа может быть выделена в качестве частного момента, но лишь их совокупность и взаимодействие обеспечивают функционирование данной разновидности. В этой связи как раз и представляется целесообразным именовать данный регистр книжного языка гибридным.

Складывающийся в рамках гибридного регистра узус зависит фундаментальным образом от соотношения книжного и не книжного языков, поскольку признаки книжности — это то, что отличает два данных языка в языковом сознании носителей. В силу того что стандарт книжного языка задан образцовыми церковнославянскими текстами и по большинству параметров остается неизменным на протяжении веков, состав признаков книжности и изменения в этом составе обусловлены особенностями не книжного языка. Так, в русской традиции, как она представлена в текстах XV—XVII вв., в состав признаков книжности входят простые претериты, действительные причастия и вообще согласованные причастия в деепричастной функции, формы дв. числа, оборот дательного самостоятельного и т.д. Изменения в не книжном языке влияют на конституцию гибридного регистра. Дв. число, например, приобретает статус признака книжности лишь после того, естественно, как оно исчезает из языка не книжного⁶.

Указанная фундаментальная зависимость определяет, однако, лишь основные контуры, а не детали. Детали вырабатываются в силу

⁶ Гибридный регистр, будучи закономерным следствием функционирования механизма пересчета, свойствен не только письменному языку восточных славян, но и славян южных (аналогичные явления присутствуют несомненно и в других языковых ареалах, однако от подобных общих проблем мы можем сейчас отвлечься). Набор признаков книжности, однако, всякий раз специфичен, и именно в этой специфике отчетливо проявляется зависимость конституции гибридного регистра от особенностей не книжного языка. Болгары, естественно, не воспринимали формы простых претеритов как специфику книжного языка, и поэтому в рамках болгарской традиции они в состав признаков книжности не попадали. Для болгарской традиции в набор признаков книжности входили падежные формы существительных и прилагательных, отсутствие члена, инфинитив на *-ти*, простое будущее, синтетические формы степеней сравнения и т.д. Формирование этого набора осуществлялось по мере того, как данные признаки становились чуждыми живым болгарским говорам. Как можно видеть, сходные механизмы порождения книжных текстов дают в разных славянских традициях существенно разные результаты, что конечном счете обусловлено различиями живых языков.

преемственности узуса, в силу того что книжник, создающий гибридный текст, непосредственно обращается не к своему разговорному языку, а к общей совокупности своего языкового опыта, в формировании которого чтение (т.е. освоение прежде созданных письменных текстов) играет никак не меньшую роль, чем спонтанная речь. Славянская филология длительное время игнорировала гибридные языки именно потому, что все внимание исследователей сосредоточивалось на соотношении книжного и разговорного языка, причем органическая системность приписывалась исключительно последнему. Абсолютизовавшаяся при этом дихотомия природы и культуры, превращенная в основной миф еще младограмматиками и дожившая в этом священном качестве чуть ли не до наших дней благодаря усилиям структурализма и структуралистской семиотики, приводила к отрицанию «природных» явлений в письменном языке, воспринимавшемся как феномен культуры *par excellence*. В соответствии с данной дихотомией строилась, с одной стороны, история книжного (церковнославянского) языка как языка целиком искусственного (при этом рассматривался преимущественно стандартный регистр), а с другой — история живого языка как языка целиком естественного. Между этими двумя полюсами оставался хаос, вызывавший лишь желание от него отвернуться, гибридные тексты воспринимались как нагромождение разнородных элементов. Однако же, если мы приписываем письменному узусу ту же естественную преемственность, реализуемую как превращение навыков чтения в навыки письма, что и узусу устному, гибридный регистр предстает, по словам Р. Матиецена, не как «a mere conglomerate of heterogeneous elements, but a secondary linguistic system in its own right» (Матиецен 1984, 47)⁷.

Преемственность навыков письма объясняет, каким образом формируется относительно устойчивый и относительно автономный узус гибридного регистра. Не только отбор релевантных для книжного языка признаков (признаков книжности) и восприятие ряда различий между стандартным книжным языком и языком некнижным как нерелевантных не является индивидуальным решением каждого из авторов, но и характер употребления отдельных элементов преемственно воспроизводится одним поколением книжников за другим, переживая

⁷ Впрочем, эпитет «secondary», на мой взгляд, здесь совершенно излишен и является данью той господствующей линии лингвистической мысли, идущей от младограмматиков к структуралистам, для которой письмо всегда является вторичным, искусственным, а потому требующим устранения связанных с ним феноменов из собственно лингвистического исследования (ср.: Деррида 1967; Деррида 1968).

лишь постепенные и «органические» (с точки зрения отвергнутой нами оппозиции природы и культуры) изменения. Анализ гетерогенных по языку гибридных текстов (прежде всего летописей) показывает, что те части, которые книжник воспроизводит, основываясь на удаленных от него по времени источниках, и те части, которые он пишет самостоятельно, связаны непрерывной цепью связующих звеньев, указывающих на постепенность эволюции узуса (ср.: Живов 1995а; Петрухин 1996).

Эта эволюция совершается благодаря постоянно происходящей семантической реинтерпретации. Поскольку освоение предшествующей книжной традиции осуществлялось без грамматик и словарей, чтение предполагало интерпретацию лингвистического материала в тех семантических категориях, которые были автору доступны (прежде всего из его языкового опыта, связанного с разговорным языком). Стремясь сохранить формальные элементы, характерные для корпуса существующей книжности, автор делал это в меру своих возможностей, употребляя эти элементы в том значении, которое он выводил из усвоенных им примеров. Понятно, что такое употребление могло существенно отличаться от исходного, имевшего место в усвоенных текстах. Степень отличия определялась, видимо, двумя моментами: во-первых, степенью несходства (по тому или иному конкретному параметру) языка этих текстов с разговорным языком автора, во-вторых, индивидуальными возможностями автора, т.е. его начитанностью, языковым чутьем и стремлением воспроизвести узус своих предшественников лишь в общих чертах или относительно детально. Способ трансмиссии языковых навыков от поколения к поколению не отличается здесь по своему устройству от того, который наблюдается в устном (живом) языке и выступает как эталон «естественности» для ориентированного на «природу» языкознания.

Хорошей иллюстрацией может служить эволюция употребления перфекта в Лаврентьевской летописи, прекрасно проанализированная в недавней работе Э.Кленин (1993). Согласно ее наблюдениям, перфект и аорист перераспределяют свои функции постепенно. Исходно перфект употребляется в результативном значении (которое может относиться как к плану настоящего, так и к плану прошлого), аорист же выступает как основное нарративное время. Уже в древнейшей части летописи («Повести временных лет») появляются редкие примеры (именно, два), когда перфект употреблен в повествовательных фрагментах, в обоих примерах, однако, не в изложении последовательных действий, а при обозначении изолированных событий. В части, относящейся к XII в., это последнее употребление получает более широкое распространение, перфект употребляется в комментирующих фраг-

ментах, при указании на изолированные действия или при разрывах нарративной последовательности. Лишь в последней части летописи появляются единичные примеры перфекта в описании последовательности действий (л-формы чередуются при этом с обычным для данного контекста аористом).

Поскольку подобная эволюция выглядит «естественной», Э.Кленин интерпретирует эти данные как свидетельство изменений в живом языке, при которых расширяются функции перфекта, постепенно (от одной функции к другой) вытесняющего из употребления аорист. Такая интерпретация соответствует традиционным представлениям о том, что «естественность» и «системность» присущи исключительно живому языку, тогда как в книжном языке любые изменения, если только они не являются полностью искусственными, носят «вторичный» характер. С тем же успехом, однако, можно думать, что расширение сферы употребления перфекта происходит за счет реинтерпретации, при которой позднейший летописец всякий раз опирается на прецеденты, встреченные у своего предшественника, но придает им более общее значение: результатив воспринимается как любое ненарративное употребление, ненарративное употребление понимается затем как категория, приложимая к любому действию, упоминаемому вне строгой нарративной последовательности и т.д. Стимул к такой интерпретации действительно, видимо, идет из разговорного языка, в котором употребление перфекта отличается (скажем, в XIV в.) от того, которое поздний летописец находит в своих более ранних источниках, однако воздействие имеет здесь опосредствованный характер и отнюдь не сводится к простому отражению в книжном тексте процессов, происходящих в некнижном языке⁸.

⁸ Реинтерпретация, понятно, может менять статус затрагиваемых ею вариантов, постепенно превращая окказиональные отступления в постоянную черту узуса. Так, например, Ф.Оттен, анализируя Степенную книгу (Оттен 1973, 218), указывает, что непоследовательности в образовании имперфекта от глаголов четвертого класса (с *l-erentheticum* или без него) существенно чаще встречаются в последних двух частях летописи, нежели в начале. Можно полагать, что окказиональные варианты в древних летописных сводах (ср. о них: Хабургаев 1991) трактуются автором XVI в. как прецеденты, узаконивающие более удобный для него узус, при котором он может, не задумываясь, образовать форму имперфекта от привычной ему л-формы. Выразительный пример того, как реинтерпретация прецедента используется летописцем, чтобы избежать трудностей в образовании тех или иных форм, находим в Царственной книге конца XVI в. (ПСРЛ, XIII, 506) в описании осады Казани (новейший слой летописи). Здесь читаем: «И много розни въ городѣ сотвориша: овѣи хотяху за неизможеніе бити челомъ государю нашему; инѣи измѣнники воду начаша копати и не обрѣтоша, но токмо малъ потокъ докопашася смраденъ, и

Отличия в эволюции книжного языка по сравнению с языком разговорным появляются в силу того, что исходным пунктом оказывается не речь старшего поколения, как это имеет место в случае разговорного языка, а корпус (прочитанных) текстов, разных по времени возникновения; этот корпус как бы суммирует языковые навыки многих поколений и обуславливает консервативность в динамике книжного узуса сравнительно с узусом разговорного языка. Вместе с тем эта соотнесенность с обширным и разновременным корпусом текстов делает гибридный язык достаточно неоднородным — во всяком случае с точки зрения того эталона однородности, который внедрен в наше сознание литературными языками нового типа. Книжник может в большей или меньшей степени адаптировать освоенный им узус к своим разговорным речевым навыкам, может ориентировать создаваемый им текст на более или менее архаические слои освоенного им корпуса, даже не следуя при этом особой архаизирующей или модернизирующей установке. При таком положении вещей одни тексты гибридного регистра могут радикально отличаться от стандартных книжных текстов, тогда как другие достаточно близко подходят к ним по многим своим языковым характеристикам.

Как уже говорилось, основополагающее различие между стандартным и гибридным регистрами определяется тем, в каком отношении находились в них механизм ориентации на образцы и механизм пересчета. Понятно, что граница между двумя этими регистрами остается нечеткой, особенно в тот более ранний период, когда дистанция между книжным и некнижным языками еще не возросла до такой степени, что за целым рядом характеристик книжного языка закрепился безусловный статус признаков книжности. Поскольку преимущество в книжном языке осуществляется за счет трансформации навыков чтения в навыки письма, ее конкретные параметры оказываются в зависимости не только от лингвистической, но и от литературной истории. Непосредственным ориентиром для книжника и источником используемых им трафаретов (*templates*) оказывается не столько весь корпус прочитанной им литературы, сколько тексты того же «жанра»,

до взятїа взимаху воду с нужею, от тое же воды болѣзнь бяше въ нихъ, пухли и умираху съ нее». Летописец, видимо, испытывал трудности при образовании формы имперфекта от глагола *пухнути*, которую он явно не мог почерпнуть ИЗ письменной традиции, и поэтому предпочел употребить сочетание л-формы и имперфекта в качестве однородных членов (*пухли и умираху*). Такая свобода была результатом переинтерпретации письменной традиции, в которой подовые словосочетания порою встречались. Именно такая реинтерпретация и использование полученных в результате ее возможностей приводит к эволюции письменной традиции.

что и создаваемый им. Поэтому летописи находятся в преемственной зависимости от летописей, гимнографические произведения — от гимнографических произведений и т.д.⁹ И в литературной истории работает, естественно, механизм переосмысления, так что летописи могут быть восприняты не только как анналистический памятник, но и как нарративный текст в более общем понимании, поэтому летопись может оказаться ориентиром не только для летописи, а для любого повествования (например, житийного или — в XVII в. — новеллистического). Разветвленная преемственность была обусловлена здесь развитием литературного процесса, так что история книжного языка оказывается в данном аспекте теснейшим образом связана с историей словесности и, в частности, с ее социальным аспектом.

Условия литературной деятельности несомненно существенно менялись на протяжении веков, и хотя социальный состав, численность и спецификация занятий той малой части средневекового общества, которую можно рассматривать как аналог литературной публики нового времени (потребляющие и создающие книжную продукцию), недостаточно изучены прежде всего из-за недостатка данных, эти параметры явно не оставались без перемен с XI по XVII век (равно как, скажем, и с XIII по XVI). В Московской Руси XVI в. вряд ли могла появиться — такая фигура, как пономарь Тимофей, занимавшийся в Новгороде XIII в. и перепиской церковных книг, и ведением летописи, и составлением договорных грамот (см.: Гиппиус 1992). К XVI в. книжная деятельность становится, видимо, более дифференцированной, так что каждое из перечисленных занятий соотносится (пускай и не очень однозначно) с определенным кругом лиц, более или менее профессионально к ним подготовленных (речь не идет, конечно, о профессиональной подготовке в нынешнем ее понимании). При такой дифференциации расчлененным оказывается и круг чтения потенциальных авторов, а соответственно также объем и характер их языкового опыта, возникающего при освоении корпуса книжных текстов.

Подобное расчленение должно было приводить к консолидации различных регистров письменного языка. Понятно, что мы имеем здесь дело не с одномоментным, а с постепенным процессом, что ис-

⁹ О понятии трафарета (template) и о роли трафаретов в реинтерпретации данных языкового опыта носителя см.: Никольс и Тимберлейк 1991; Тимберлейк 1996. О корректировках, необходимых при использовании понятия «жанра» в истории литератур восточнославянского средневековья, см.: Ленхофф 1984; Зеemann 1987; Марта 1989. О «жанровом» факторе в истории славянских литературных языков: Толстой 1978; Алексеев 1987а, 44-45.

ключает точную датировку и делает вообще всякую датировку достаточно условной. Определенно можно сказать, что в XVI—XVII вв. складывается особая разновидность (регистр) книжного языка, обнаруживающая особую языковую установку пишущих и образующая собственную традицию. Монах, составлявший канон новопрославленному святому, ощущал себя, видимо, в иной литературной и языковой традиции, нежели работник патриаршего летописного скриптория (типа Исидора Сказкина, составившего Мазуринскую летопись — см.: Корецкий 1968), а этот последний не чувствовал себя свободно в той традиции, которую освоил подьячий, готовивший ответы на челобитные. В результате консолидации письменных традиций они могут выступать как относительно автономные системы, так что становится возможной переделка текста из одного регистра в другой. Примером такой переделки может служить переработка жития Михаила Клопского, осуществленная Василием Тучковым в Москве в первой половине XVI в.; можно предположить, что гибридный язык первоначальной редакции Тучков ощущал как подходящий скорее для летописного повествования, нежели для жития, и именно в связи с этим стремился переработать текст в соответствии с требованиями стандартного регистра (см.: Дмитриев 1958; Живов 1992а, 262-263). К концу XVII в. автономность гибридного регистра осознается настолько ясно, что данная разновидность может переосмыслиться как особый «простой» язык, на который переводятся тексты, существовавшие прежде лишь на стандартном церковнославянском (имею в виду Псалтырь в переводе Фирсова 1683 г. — см. ниже).

Впрочем, переосмысление гибридного языка в качестве «простого» относится уже к эпохе, непосредственно предшествовавшей петровской языковой реформе, и представляет собой один из моментов реинтерпретации всего наследия средних веков на пороге нового времени. Для более раннего периода вряд ли можно говорить о каком-либо особом культурологическом (или символическом) значении гибридного регистра, о его соотносительности с отдельной системой культурных ценностей. Хотя в рамках книжной письменности выделяются и постепенно кристаллизуются отдельные письменные традиции, коррелирующего с этим расчленения культурного пространства не происходит. Нельзя, к примеру, сказать, что стандартный регистр соотносится с религиозной системой ценностей, а гибридный — со сферой светской культуры, или что стандартный регистр принадлежит культуре элитарной, а гибридный — низовой. Сфера книжной культуры продолжает быть сосредоточена вокруг единого центра, который — если говорить о текстах — воплощается в Св. Писании и богослужебных книгах (ср.: Едличка 1976; Алек-

сеев 1987а)¹⁰. В иерархическом построении восточнославянской средневековой книжности именно эти тексты выступают как абсолютный, онтологический текст, служащий образцом и моделью для всего культурного пространства (ср.: Пиккио 1973; Алексеев и Лихачева 1987, 69).

К стандартным церковнославянским текстам это относится самым непосредственным образом: они непосредственно связаны с религиозной жизнью, а основной корпус текстов (Св. Писания и богослужения) служит для них прямым образцом и в идеологическом, и в литературном, и в языковом отношении. Однако и гибридные книжные тексты не отделены от названного центра какой-либо ясно осознаваемой и четкой по своему выражению границей. В языковом плане, как уже говорилось, они могут достаточно существенно отличаться от церковнославянского стандарта и в этих своих отличиях образовать собственную традицию, т.е. быть ориентированными на единый центр не непосредственно, а через ориентацию на него исходных памятников того или иного «жанра». Тем не менее эти отличия воспринимались, видимо, как допустимые отступления, своего рода *licentiae*, которыми пользуются по слабости, а не по умыслу. Таким образом, эталоном правильного книжного языка и для гибридных текстов оставались тексты основного корпуса. В соответствии с этим гибридные тексты и осмыслялись как часть христианской литературы, а не как стоящий особняком культурный феномен. Наиболее отчетливо это видно на примере летописей.

О религиозной значимости летописей достаточно полно было в свое время сказано И.П.Ереминым: они могли рассматриваться как своеобразная часть духовной литературы, описывающая осуществление Божественного промысла в человеческой истории (ср.: Еремин 1966, 64-71). Поэтому основной их смысл оставался религиозным — показать свершения и страдания человечества (или малой его части) на его пути к спасению и извлечь из этой картины странствования народов через волны моря житейского духовные уроки. Для такого взгляда на историю главные вероучительные тексты оставались основным и важнейшим источником, даже вне зависимости от того, как часто цитирует Св. Писание тот или иной летописец. Столь же естественна при этом и

¹⁰ Для восточнославянского православия Св. Писание и богослужение в религиозно-культурном отношении следует рассматривать как единое целое. Св. Писание существует прежде всего внутри богослужения, в литургическом употреблении, и лишь затем как чья-то книга. По мысли А.Наумова, вся средневековая православная духовная литература у восточных славян может трактоваться как строящаяся на литургическом основании (ср. Наумов 1986). Функционирование и статус отдельных текстов определяется прежде всего их отношением к богослужению, а если они в богослужении непосредственно используются, их конкретным местом в литургическом действе (ср. еще § III-1).

связь летописей друг с другом. Они не столько продолжают фиксацию событий, начатую их предшественниками, сколько отмечают новые шаги в раскрытии Божественного замысла о человечестве, как бы переходя от задания к заданию в духовном уроке истории. Такое понимание летописания не только реконструируется из характера представления исторических событий в летописных памятниках, но и достаточно эксплицитно высказывается восточнославянскими анналистами¹¹.

Понятно, что если это религиозное понимание свойственно летописанию, то не в меньшей мере присуще оно и другим гибридным текстам, например, написанным на гибридном языке житиям. Более того, именно это единство понимания создает возможность для взаимодействия различных типов текстов, например, использования летописных фрагментов в агиографии или инкорпорирование в летописные своды (полностью или в извлечениях) житий, патериков, сказаний о чудотворных иконах. Объединенные общим религиозным пониманием, эти тексты не образуют четких жанровых границ и относительно свободно перераспределяют текстовый материал. При таком историко-литературном фоне границы между регистрами книжного языка также не отличаются особой четкостью и во всяком случае не осмысляются как проявление культурной дифференциации.

¹¹ Так, в конце Рогожского летописца говорится: «Видите же Чоловѣколюбца и разумѣйте высокую и страшную Его силу, аще и дасть врагомъ нашимъ время прїити на ны, ранами смирял неправды наша, милости же своя не отвѣде до конца... И сїя вся написанная, аще и не лѣпа кому зрится... мы бо не досажаяще, ни завидяще чести вашей и таковая вчинимомъ, тако бо обрѣтаемъ началнаго лѣтописца Кїевскаго, иже вся врѣменнобытства замльскаа необинуяся показуеть, но и первїи наши властодержци без гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая придунившаяся написовати, да и прочимъ по нихъ образы явлени будуть... Мы же симъ учащєся, таковая вся приключычящаяся въ дни наша не преминухомъ, властодержецъ нашихъ дозрящихъ сихъ, таковымъ вѣщемъ да внимають, юнїи старцевъ да почитають и сами едини безъ искуснѣишихъ старцевъ всякого земльскаго правленїа да не самочиннующь, ибо красота граду есть старечество, понеже и Богомъ почтено есть старечество, рече бо писанїе: въпроси отца твоего возвѣститъ тѣ, и старца твоя рекуть ти...» (ПСРЛ, XV, стб. 185).